

Московские адреса Николаы Пашича (1885–1916 гг.)

«Лично Вам, Николай Петróвич, слава и привет!»
(М.В. Челноков, московский городской голова,
апрель 1916 г.)

Из всех сторон противоречивой личности Николаы Пашича (1844–1926), пожалуй, только одна ни у кого не вызывает сомнений и не порождает споров — это отношение к России. Утверждение о *безусловной* прорусской ориентации (как в политике, так и в жизни) бессменного вождя Народной радикальной партии давно уже стало общим местом в мировой историографии. И Петербург (Петроград) платил ему той же монетой, всегда оставаясь для популярнейшего среди русских политиков и общественных деятелей Николая Петровича* самой мощной и надежной опорой. В подтверждение тезиса о его немалой известности и респекте в России приведем всего пару примеров. Спрашивается, — с кем и чем ассоциировалась Сербия в глазах русского образованного слоя в начале XX в.? Видный сербский ученый-славист, академик Сербской академии наук и искусств, но при этом русская по рождению, Ирена Грицкат-Радулович вспоминала о своей матери, далекой от всякой политики (она окончила в Петербурге консерваторию, а в Белграде преподавала музыку в школах «Стеван Мокраяц» и «Корнелие Станкович»): «Всё, что мать раньше (т.е. до эмиграции. — А. Ш.) знала о Сербии, — это был Дунай с притоками Савой да Моравой, затем города Белград и Ниш, король Петр и министр Пашич»¹. Или же свидетельство поверенного в делах России в Королевстве в начальный период Мировой войны В.Н. Штрандтмана: устраивая порой в русской миссии приемы в честь следующих

* Так в России нередко называли Пашича (см. эпиграф).

транзитом через Ниш соотечественников, он нередко приглашал на них «чету Пашичей», в виду интереса, проявляемого гостями к сербскому премьеру²...

По нашим данным, за свою жизнь Никола Пашич побывал в России (официально и неофициально) не менее 13 раз, причем в 1893—1894 гг. провел в ней более года в качестве посланника Сербии. В первый раз он прибыл в Империю в декабре 1885 г. еще в бытность свою политическим эмигрантом в Румынии. Примерно к этому времени (конец 1885 — 1887 гг.) относится и обретение им полного доверия русских общественных (славянофильских) кругов, чему в огромной степени способствовал опальный сербский митрополит Михаил, в 1884—1889 гг. проживавший в России (Киев, Москва)³. В том же (1885) году мы фиксируем и первый «знак внимания» к Пашичу официальными российскими властями⁴. Дальше — больше: в феврале 1890 г., находясь в должности председателя Народной скупщины Сербии, Пашич впервые посетил Петербург с официальным визитом, во время которого был принят императором Александром III, получил свой первый русский орден — св. Станислава I степени и 80 тыс. винтовок-берданок в дар Королевству⁵.

Но гораздо более важным явилось другое. В начале 1890-х годов началась смена «русских фаворитов» в Сербии. Звезда Йована Ристича — неприкосновенного до этого «любимца» Петербурга — начала закатываться. Он терял доверие императорского правительства. На смену ей стремительно восходила, перефразируя легендарного Виктора Цоя, «звезда по имени Пашич». Ристич волновался и плел интриги. Но русские уже сделали ставку на нового «рысака». В 1894 г. Алимпие Васильевич, ближайший соратник Ристича по Либеральной партии и сербский посланник в России, пытался, как мог, облить грязью Пашича — с целью подорвать его растущее влияние — в глазах русского истеблишмента. «Сербские патриоты не могут простить грех сербу, поднявшему руку на свое Отечество (речь шла о деятельности Н. Пашича в эмиграции в 1883—1889 гг. — *А. III.*); ему и друзья Сербии не смеют подавать руки, — доносил Васильевич шефу. — Все со мной соглашались, кроме военного министра, который защищал Пашича, повторяя, что он шел не

против Сербии, но против Милана (т.е. короля Милана Обреновича. — *А. III.*)»⁶. Военный министр России, Петр Семенович Ванновский — старый соратник Александра III, с которым они вместе «ломали» Балканскую кампанию 1877–1878 гг., был прав. Отношение российской верховной власти к Николаю Петровичу не измени(я)лось...

Мы могли бы долго рассказывать о каждой из многочисленных поездок Николы Пашича в Россию, но в настоящей статье ограничимся лишь его «остановками» в Москве, каких также было немало. И в данном случае весьма символично то, что как первый, так и последний визиты вождя сербских радикалов в Империю оказались тесно связаны с Первопрестольной.

* * *

Говоря о первом визите, а точнее — его причинах, напомним, что начало 1880-х годов оказалось для независимых балканских государств временем бурным. Элита освобожденных народов стояла перед выбором пути внутреннего развития: куда идти и с кем идти? Столкнулись, а кое-где буквально вошли в клинч, два подхода — один на ускоренную модернизацию (или вестернизацию); другой на отстаивание традиционных ценностей в рамках привычной системы аграрного статичного мира. «Либеральная идея и традиция» — это сквозное противоречие определяло всю историю Балкан вплоть до Первой мировой войны.

Наиболее драматично оно проявилось в Сербии. По точной оценке современника — болгарского общественного деятеля Стефана Бобчева, считавшего «внутреннюю» борьбу явлением *типическим* в период становления молодых балканских стран, Сербия (отягощенная соперничеством двух своих «народных» династий) «представляет собой его самый рельефный пример»⁷. После Берлинского конгресса, даровавшего ей независимость, князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские рельсы, связав судьбу страны и династии с Венной. Тем самым он четко обозначил свое намерение *втянуть* Сербию в Европу. Призванный в октябре 1880 г. к власти ка-

бинет прогрессистов (напредняков) во главе с Миланом Пирочанцем и попытался осуществить этот «прыжок из балканского мрака на европейский свет».

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа. Стремление властей «европеизировать» страну скорым кавалерийским наскоком — т.е. «насадить в ней европейскую культуру»⁸ и «сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские»⁹, как отмечали русские очевидцы, причем без всякого учета ее адаптивных способностей, вызвало протест со стороны оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии, основанной в 1881 г. учениками Светозара Марковича. Ее главой (единожды и навсегда) стал Никола Пашич. Отрицая универсальный характер исторического пути Европы и ее образцов, сербские радикалы провозгласили в качестве главной задачи защиту сербской *самобытности*, каковую отождествляли с только что обретенной свободой. «Мы совсем не бережем того, что серба делает сербом, — утверждал радикальный лидер, — но, следуя моде, стремимся к тому, чем так кичатся иностранцы»¹⁰.

Острый внутренний конфликт завершился лобовым столкновением — неудавшимся Тимокским восстанием 1883 г., и Пашич (которому вместе с тремя десятками соратников удалось покинуть Сербию) был вынужден долгих шесть лет скрываться за границей: в Болгарии, Румынии, России. Но он не собирался складывать оружия. Напротив, ожесточение против «внутренних изменников» только росло. За время эмиграции беглец предпринял четыре попытки поднять в Сербии новое восстание и свергнуть Милана Обреновича с престола¹¹. Две из них были связаны с Болгарией, где он временно осел в октябре 1883 г. Однако обе они закончились неудачей. Одну обрекли на провал шпионы короля Милана; другую, запланированную на начало осени 1885 г., — Пловдивский переворот (случившийся 6 сентября) и болгарское Соединение¹².

После болгарского фиаско Никола Пашич напрямую обратился к русским славянофилам. И время для этого пришло — благодаря его выраженной антиавстрийской позиции, а равно, как уже говорилось, неустанной «разъяснительной» деятель-

ности нашедшего политическое убежище в Киевско-Печерской лавре митрополита Михаила, образ вождя «страшных» радикалов (коих русские всегда сравнивали с *нигилистами*) постепенно терял в глазах славянофильских деятелей свою былую идеологическую непривлекательность. И когда в декабре 1885 г. он впервые побывал в России, посетив Петербург и Москву, его уже принимали там как соратника по борьбе за общеславянское дело. Основой этого зародившегося взаимного доверия и начавшегося сотрудничества стало единое отношение к Милану Обреновичу, политике Австро-Венгрии на Балканах и Западу в целом.

В северной столице Пашич близко сошелся с секретарем Петербургского славянского общества В.И. Аристовым, который надолго стал одним из ближайших его конфиденентов в России. Тот, в свою очередь, представил сербского гостя председателю организации генералу П.П. Дурново; товарищам председателя, генералу М.А. Домонтовичу и князю П.А. Васильчикову, а также будущему (с 1888 г.) главе Общества — графу Н.П. Игнатьеву. Познакомился Пашич и с другими влиятельными его членами — генералом А.А. Киреевым, профессором П.А. Кулаковским (с ним он состоял в переписке с 1884 г.); а кроме того, восстановил прежние связи с профессорами В.И. Ламанским и А.Л. Петровым.

И здесь следует указать на одну особенность, характерную для петербургских единомышленников Пашича. Подобно тому, как позже в Сербии членов радикального кабинета Лазы Докича (1893 г.) было принято называть «придворными радикалами», их самих, без опасения впасть в преувеличение, можно было бы окрестить «придворными славянофилами». Дело в том, что Славянское общество в Петербурге являлось как бы неофициальным филиалом российского МИД и, как таковое, не имело права в своей благотворительной деятельности выходить за рамки устава, утвержденного министром внутренних дел. Именно поэтому генерал Дурново так никогда и не решился открыто вмешаться в сербские дела на стороне эмигрантов, хотя возглавляемая им организация — по ходатайству митрополита Михаила — и высылала ежегодно Пашичу

определенную сумму денег (по 500–600 руб.) в качестве гуманитарной помощи¹³.

Не найдя поддержки в том объеме, в каком он ее ожидал — Славянское общество ограничилось выдачей ему 400 руб.¹⁴, — Пашич, спустя некоторое время, оказался в Москве. Причем с письмом Аристову, который в вопросе помощи сербским эмигрантам был настроен куда более решительно, чем его непосредственный начальник. В письме, датированном 10 декабря, он рекомендовал Пашича вождю московских славянофилов И.С. Аксакову, призвав того благосклонно отнестись к нуждам своего протеже.

Вечно фрондирующий и всегда готовый к действию, обладающий значительно большей (чем «питерцы») независимостью и немалыми финансовыми возможностями, Аксаков горячо взялся за дело — в Москве, в его квартире в усадьбе Лопухиных по Мало-Знаменскому переулку (ныне здесь расположен международный музей Рерихов), и состоялось заседание штаба заговорщиков в составе самого Ивана Сергеевича, Пашича, митрополита Михаила и генерала М.Г. Черняева. На нем был окончательно согласован очередной план вторжения в Сербию, который, судя по всему, начал разрабатываться еще в октябре. Для начала, по просьбе Аристову, Аксаков выдал Пашичу еще 400 руб.¹⁵. Не остался в стороне и переехавший к тому времени в Москву владыка. Располагая оперативным фондом, предоставленным ему Обществом, он снабдил своего земляка такой же суммой¹⁶.

С самого начала дело было поставлено на широкую ногу — Аксаков держал свое слово. Как писал Пашич, вернувшийся в конце декабря в Румынию, Аристову, «товар получил...»¹⁷.

Однако удача и на сей раз отвернулась от заговорщиков. 1 января 1886 г. Милан Обренович объявил амнистию арестованным по делу о Тимокском восстании. Узнав об этом, многие эмигранты, особенно из крестьян, решили вернуться в Сербию, хотя на них высочайшее прощение не распространялось. Пашичу с огромным трудом удалось отговорить их от такого шага. Но надолго ли? Тем более, что и в отношении него начали распускаться «капитулянтские» слухи, которые докати-

лись до Москвы. В связи с чем митрополит Михаил писал ему: «Господин, который дал обещание, спрашивает — правда ли, что вы послали письмо с выражением лояльности, как об этом сообщают газеты? Он сомневается <...> и желает, чтобы вы, или через меня, или каким-то иным способом, ему поскорее ответили <...>. Объясните же ему, что никаких колебаний с вашей стороны нет»¹⁸.

Пашич отреагировал мгновенно. «Считаю излишним напоминать, — ответственал он владыке, — что из Белграда и Софии обо мне совершенно ложные слухи распускают с целью осрамить меня и моих друзей». И теперь уже он торопит своих московских подельников: «Прошу вас уверить Ивана Сергеевича и Михаила Григорьевича, что новейшие явления в Сербии нисколько не могут переменить ничего от того, о чем мы с ними говорили. Новые явления утверждают то, что нужно скорее действовать и приготовить всё то, что может обеспечить успех нашего предприятия»¹⁹.

Аксаков мог быть доволен — ответ Пашича, переведенный владыкой на русский язык, он получил и даже успел прочесть. Но повороты судьбы часто непредсказуемы — через несколько дней Иван Сергеевич скончался. Удар был сокрушительным: человека, с которым, по словам Пашича, эмигранты связывали все свои надежды²⁰, не стало. Они потеряли самого верного, а главное — решительного, союзника и покровителя. Это предопределило очередную неудачу. Однако складывать оружие никто не собирался...

В следующий раз Пашич побывал в Белокаменной ровно через год. Цель визита была той же — в Петербурге и Москве вожак сербских эмигрантов утрясал детали нового, на сей раз *синхронного*, плана «освобождения» Сербии от режима Милана Обреновича. Опубликованные ранее нами материалы позволяют реконструировать его достаточно полно.

Во-первых, сама идея очередного переворота была одобрена русскими. Во-вторых, во время переговоров с В.И. Аристовым в Петербурге Пашичу было обещано оружие. В-третьих, по ходатайству генерала М.Г. Черняева и профессора Московского университета А.И. Чупрова, он получил тысячу рублей

от «добрых и щедрых московских купцов», которые «готовы и бóльшую помощь дать, если бы убеждены были, что правительство с этим согласно»²¹. В-четвертых, встретился с влиятельнейшим «москвичом» М.Н. Катковым²². И, наконец, самое главное. Вторжение в Сербию боевиков Пашича было обусловлено «развязкой болгарского спора»²³. То есть, русские советовали «подождать, пока ситуация в Болгарии полностью не определится, пока не станет ясным — начнется ли война, или Болгария сама выполнит то, что Россия от нее требует»²⁴. Кстати, большую войну тогда ожидали многие, причем уже весной 1887 г. На это время Пашич и ориентировался. «Всё живое ожидает весны, — писал он Аристову 16 декабря, — и уповает на громогласное слово православного славянского царя, которое возвестит новую жизнь славянскому миру»²⁵.

На пути из России, Пашич встретился в Киеве с митрополитом (тот переселился туда весной 1886 г.), с которым «поговорил об нашем деле»²⁶.

Задержавшись на несколько дней в Румынии, он затем тайно отправился в Русук. Именно там, а также в Силистрии, в феврале 1887 г. вспыхнул офицерский мятеж против софийского режима Стевана Стамболова, который готовился не без участия русских, — по свидетельству хорошо информированного издателя А.С. Суворина, «на подготовку болгарского восстания дано по ходатайству Мих.[аила] Ник.[ифоровича] Каткова болгарским офицерам 100.000 рублей»²⁷. Пашич знал этих офицеров-русофилов (Косту Паницу, например), а потому можно предположить, что каким-то образом и он участвовал в их движении (а равно и его зять Христо Иванов — супруг сестры Ристосии²⁸), тем более, что «развязка болгарского спора», как мы уже видели, являлась отмашкой для столь желанного вторжения в Сербию. Но мятеж был Стамболовым подавлен, соответственно и вторжение провалилось. А 24 февраля Аристов писал митрополиту: «Пашич собирается снова в Россию. Нового о болгарских днях сообщить ничего не могу. Ужас, ужас, ужас»²⁹.

Вернувшись в Россию в конце февраля, Никола Пашич провел в ней около четырех месяцев, до 20 июня. Причем теперь уже дважды беглец отнюдь не сидел сложа руки. Напротив,

21 марта он направил директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву обширный меморандум, в котором, на этот раз от имени «Объединенной сербской оппозиции», просил предоставить ей помощь в размере 100 тыс. руб. для подготовки нового заговора³⁰. Нам думается, что сумма совсем не случайно совпала с той, какая была выделена болгарским офицерам. Тем более, что 5 апреля отрывок из меморандума, в виде отдельного документа, был передан Пашичем именно М.Н. Каткову³¹, что позволяет предположить, что и на этот раз он «заезжал» в Москву. Но фиаско следует за фиаско — летом умер Катков, а российское правительство оставалось по-прежнему непреклонным: в МИД Пашичу дали ясно понять, чтобы он «не обманывался в своих несбыточных надеждах»³².

По всей видимости, это была последняя попытка Пашича найти союзников в деле свержения сербского короля. Хочешь — не хочешь, но приходилось угомоняться, ибо готовить новые заговоры было уже не с кем. Проживая в Петербурге, Бухаресте и Одессе, он консультировал Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество по балканским делам, а также занимался самообразованием; переводил своего любимого Н.Я. Данилевского на сербский язык и внимательно следил за развитием событий в Сербии... Так и шло время. До тех пор, пока 22 февраля 1889 г. Милан Обренович не отрекся от престола. Путь домой для изгнанника был открыт. Отныне «остановки» Николы Пашича в Москве носили исключительно официальный характер.

* * *

17 июля 1891 г., сопровождая вместе с наместником Йованом Ристичем молодого Александра Обреновича в столицу России, премьер-министр Сербии Никола Пашич (только там, думается, возможны такие кульбиты, когда буквально за два года человек из приговоренного к смерти заговорщика «вырастает» до предсовмина) на два дня задержался в Москве. Встреча была торжественной. Почетный караул составляли чины 12-го Астраханского Его величества пехотного полка, а приветствовать сербского монарха на вокзал Московско-Курской железной

дороги прибыл лично генерал-губернатор Белокаменной великий князь Сергей Александрович. Он же и «приютил» короля на одну ночь, предоставив в его распоряжение собственные покои в Большом Кремлевском дворце. Гостеприимный хозяин отвез также тезку и крестника Александра II в одну из главных московских святынь — Иверскую часовню, дабы приложиться к одноименной чудотворной иконе, пригласив затем в Нескучный дворец (ныне — старое здание Президиума РАН) на концерт духовной музыки³³... Во время этого визита в списке московских адресов Н. Пашича появился еще один — улица Солянка, где в церкви св. Кира и Иоанна располагалось подворье Сербской православной церкви. 18 июля король Александр вместе с Ристичем и премьером присутствовали здесь на торжественном молебне, оставив затем свои автографы в Книге почетных гостей. Тогда же сербская делегация отбыла в Санкт-Петербург.

В последующие 19 лет Пашич в Москву не «заглядывал», хотя в России успел побывать как минимум четырежды — в 1893–1894, 1900, 1902, 1908 гг. Только весной 1910 г., опять же сопровождая суверена, он проездом оказался в Первопрестольной по пути из столицы в Киев. Правда, монарх был уже другой: известного нам Александра Обреновича (как и его жену, королеву Драгу) на рассвете 29 мая 1903 г. brutally ликвидировали офицеры-заговорщики, призвав на сербский престол князя Петра Карагеоргиевича. Так вот, спустя только семь лет после «возвращения» в Белград, прорвав-таки с помощью многоумного Пашича многолетнюю дипломатическую блокаду Сербии, король Петр совершил свой первый зарубежный визит, — разумеется, в Россию.

В 9 часов утра 14 марта 1910 г. императорский поезд с почетными гостями прибыл из Питера в Москву на Николаевский вокзал. Встречали сербского монарха все высшие московские чины и почетный караул, выставленный от лейб-гвардии Екатеринославского императора Александра III гренадерского полка, «со знаменем и хором музыки»³⁴. А далее как обычно — по пути в Большой Кремлевский дворец, где королю были приготовлены апартаменты, он (в обществе Пашича) «завер-

нул» в Иверскую часовню с целью приложиться к знаменитому образу. А затем, после небольшого отдыха, последовали обедня в Успенском соборе, посещение кремлевских соборов, Оружейной и Грановитой палат, торжественный обед и, наконец, Большой театр со «Спящей красавицей». Московский гражданский губернатор, свиты е.и.в. генерал-майор В.Ф. Джунковский так передал атмосферу пребывания Петра Карагеоргиевича в Москве: «По осмотре Оружейной палаты король проехался в коляске по улицам Москвы и был везде встречаем с восторгом»³⁵.

На следующий день, обозрев палаты бояр Романовых на Варварке, венценосец со своим первым министром отправились на Солянку, в Сербское подворье, где отстояли торжественную службу. Их визит также остался зафиксированным в Книге почетных посетителей. Ну, а затем, пришло время совсем уж частных дел. Августейший гость посетил несколько известных магазинов и пассажей, а также Кустарный музей московского губернского земства, где «осмотрел все отделы выставки, интересовался подробностями и приобрел некоторые изделия в русском стиле и характерные русские игрушки»³⁶. Вторая половина дня была посвящена посещению Третьяковской галереи и Архива МИД на Воздвиженке. В 7 часов вечера король со свитой отбыли на Брянский вокзал, где их ожидал императорский поезд. Курс объявлялся на Киев...³⁷.

А потом наступили беспокойные годы (хотя после Аннексионного кризиса 1908—1909 гг. Европа, собственно, уже никогда не вернулась к былой политической полудреме). 1912-й год — время создания Балканского союза и Первой Балканской войны. Россия не желала конфликта, всячески удерживая союзников от соблазна побить Турцию, во что тогда мало кто верил! На 30 мая планировалось открытие памятника Александру III в Москве. Ожидалась сербская делегация. Российский посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг посоветовал назначить ее главой Николу Пашича, «чтобы дать ему возможность непосредственно осведомить императора Николая II и С.Д. Сазонова о вполне спокойном настроении сербов»³⁸. Вопрос «в верхах» решился быстро, и сербский премьер выехал в древнюю русскую столицу. В назначенное время памятник был передан городу. Пер-

вый венок на него возложили посланцы Сербии: «Благодарна Србија — Његовом величанству императору Александру III»³⁹. После церемонии в Кремле состоялся торжественный гала-ужин, а назавтра (31 мая) в присутствии императорской четы, был открыт Музей изящных искусств Александра III⁴⁰.

Естественно, что не обошлось и без политических бесед с русскими. Они состоялись в Петербурге. В ходе их (22 июня) Пашич лично передал Николаю II текст союзного договора, заключенного между Сербией и Болгарией 13 марта того же года⁴¹. После завершения переговоров сербский премьер получил знаки ордена св. Александра Невского. Посвящал он время и частным делам — так, 10 июня завтракал у сербской королевы и одновременно русской княгини Елены Петровны (дочери короля Петра, по мужу Романовой) и ее супруга, князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова⁴²...

Последняя поездка Николая Петровича в Россию состоялась весной 1916 г., т.е. уже в ходе Великой войны. Она, как и первая (случившаяся 31 год назад), оказалась тесно связанной с Москвой, став для высокого гостя одновременно «триумфом и трагедией». Триумфом, имея в виду то, как его встречали везде в России; трагедией же потому, что страна, столь тепло его принимавшая, менее чем через год перестала существовать!

* * *

Как известно, в январе 1916 г. завершилась трагическая «Сербская Голгофа» — мученический, часто в снежную метель и без куска хлеба, переход остатков сербской армии и части гражданского населения через албанские горы на побережье Адриатики с последующей эвакуацией на Корфу. В элите Королевства царило уныние, перешедшее, по прибытии на благословенный ядранский остров, в перепалку и взаимные обвинения — кто виноват в постигшей Сербию катастрофе? Принц-регент Александр Карагеоргиевич принял меры. Начальник Генерального штаба, воевода Радомир Путник под предлогом болезни был смещен и отправлен на пенсию; свои посты потеряли и его заместитель полковник Живко Павлович, а также военный министр Радивое Бойович. Зашаталась почва

и под Пашичем — движимый ревностью к нему, престолонаследник начал подумывать о новом, военном кабинете во главе с героем Колубарской битвы, воеводой Живоином Мишичем. Однако разменявший восьмой десяток, старый политический лис Пашич всё четко фиксировал и, пытаясь защитить себя, вытащил неубиенную карту — объявил о необходимости визита в Россию. На первый взгляд, связь непонятная, однако, она присутствует и теснейшая.

Итак, ранней весной 1916 г. сербский престолонаследник выехал в поездку по столицам государств — членов Антанты. Его сопровождал Пашич. Рим, Париж и Лондон они посетили вместе, но в Петроград с берегов Темзы премьер отправился один. Уж очень он рвался туда. Но почему? Уже говорилось, что Россия всегда являлась для него самой мощной и надежной опорой. Причем не только ее официальные круги во время правления Александра III и Николая II, но и русское общество.

И Пашич прекрасно знал о таком к себе отношении, сложившемся за десятилетия его собственного последовательного «русофильства». Именно поэтому, в трудную для себя минуту, он и рассчитывал на него. Таким образом, можно констатировать, что одним из важнейших мотивов его стремления в Россию весной 1916 г. было желание укрепить своё пошатнувшееся положение и «подчеркнуть, — как о том злобно выразился завистливый престолонаследник Александр, — свой международный вес»⁴³.

16 апреля 1916 г. Никола Пашич прибыл в Петроград. Отношение к нему в России было ожидаемо доброжелательным и почти семейным, хотя следует сказать, что вечно опасавшийся чего-то министр иностранных дел С.Д. Сазонов поначалу косо смотрел на визит сербского премьера: «Считаю, что приезд его, — писал он послу в Риме А.А. Гирсу, — при настоящих обстоятельствах может вызвать здесь нежелательный шум»⁴⁴. Однако Гирс встал на сторону Пашича: «Очень опасаясь, что <...> отклонение его поездки произведет на него тяжелое впечатление». И далее: «Позволю себе высказать, что <...> едва ли удобно отклонять его приезд в Петроград, тем более, что в настоящую минуту едва ли возможно предполагать возбуждение

щекотливых вопросов»⁴⁵. И министр сдался. В Париж и Рим, для передачи посланнику в Сербии князю Г.Н. Трубецкому, полетела телеграмма: «Можете передать Пашичу, что препятствий к его приезду не встречается...»⁴⁶. Мы уверены, что в резкой смене настроения Сазонова сыграл роль и Николай II, судя по его личному вниманию к сербскому гостю, о чем ниже.

Итак, повторимся, встретили Пашича как родного. Впервые, он прибыл в Россию как гость русского правительства, и все расходы по его пребыванию взяло на себя министерство императорского двора, что было утверждено императором⁴⁷. И далее, он предполагал пробыть здесь всего пять дней, и только в Петрограде, дабы, по его собственным словам, «благодарить за поддержку и иметь личное общение с ответственными руководителями»⁴⁸. Однако вместо этого провел «в гостях» почти месяц, приняв любезное предложение государя побывать, кроме Питера, в Москве и Одессе, где тогда формировалась Сербская добровольческая дивизия.

18 апреля в здании на Певческом мосту Пашич провел переговоры с С.Д. Сазоновым и остался ими полностью удовлетворен. Русские поддержали сербов в главном — в признании необходимости наказания Болгарии за октябрьское предательство 1915 г. Часть дня сербский премьер-министр провел в семье посланника Сербии в России Мирослава Спалайковича, а, кроме того, нанес визиты французскому, английскому, бельгийскому и итальянскому послам⁴⁹.

А 20 апреля сербский премьер получил от императора орден св. Владимира первой степени* — награду очень почетную и редкую: почти за два года войны ею (с мечами) был удостоен всего один человек — командующий войсками Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов. Что же касается сербов, то из них лишь четверо — бывший регент Йован Ристич, митрополиты Михаил и Димитрие, а также престолонаследник Александр — имели русского Владимира, причем

* Всего же, кроме св. Владимира, Никола Пашич награждался Александром III и Николаем II орденами св. Станислава первой степени (1890), Белого орла (1891), бриллиантами к нему (1910), св. Александра Невского (1912), а также получил «яшмовую, украшенную золотом и бриллиантами, табакерку с вензелевым изображением Высочайшего Имени» (1908).

первые трое, в отличие от Пашича, второй степени, а королевич четвертой с мечами. Таким образом, очевидно, что столь высокое отличие явилось проявлением особого благоволения Николая II к нему.

На следующий день, 21 апреля, последовал очередной знак высочайшего внимания. В 11 часов утра Пашич был принят императором в Царском селе, а затем (вместе со своим заместителем по министерству иностранных дел, секретарем и посланником Спалайковичем) приглашен к завтраку в кругу царской семьи. В архиве сохранился план стола из малой библиотеки Александровского дворца, за которым располагались все участники. Он весьма показателен. Кроме императорской четы, великих княжон (Татьяны, Марии, Ольги, Анастасии) и наследника Алексея Николаевича, а также нескольких придворных и сербской делегации, на завтраке не было ни одного официального лица, что наглядно показывает его приватную, почти интимную, природу⁵⁰.

Всё это совсем не случайно. Ведь еще будучи наследником (в 1893 г.) Николай II лично познакомился с Пашичем — тогда посланником Сербии в России⁵¹ *. История донесла и его интегральную оценку сербского премьера, данную 15 лет спустя, в 1908 г.: «Пашич — это опора здоровой политики Сербии»⁵². Во время известной аудиенции 20 января 1914 г. император обещал ему: «Мы всё сделаем для Сербии!»⁵³, что благородно и исполнил всего через полгода. А в конце 1914 г., завершая прием вновь назначенного посланника в Сербии князя Г.Н. Трубецкого, он передал свои приветы «наследнику и Пашичу»⁵⁴, не забыв ни почему-то старого короля Петра.

В день апрельского свидания Николай II записал в дневнике: «После короткой прогулки принял <...> старика Пашича, прибывшего из Греции с Корфу. Завтракал с ним и другими сербами»⁵⁵. И цесаревич Алексей, который, по словам серб-

* Известный столичный публицист И. Родионов, нередко встречавшийся с Пашичем во время его наездов в Петербург, вспоминал в эмиграции, как в 1900 г., вернувшись с высочайшей аудиенции, тот был в полном восторге от отношения к нему Николая II: «Он встретил меня как брата, со своей чудесной улыбкой. Вспомнил наши встречи в Аничковом дворце в бытность свою престолонаследником...» (Родионов Ив. Никола Пашич у Петрограду. Поводом десетогодишњице смрти // Народна одбрана. 3. јануар 1937. Бр. 1–2).

ского гостя, «оказывается, первый раз завтракал в большом обществе»⁵⁶, также занес в памятную книжку упоминание о нем, причем без всяких комментариев, как о ком-то хорошо знакомом⁵⁷. Это полуфамильярное «старик» опять же, как нам думается, свидетельствует о подлинном отношении царской семьи к Николаю Петровичу. Добавим к тому, что во время аудиенции император передал Пашичу 150 тыс. руб. на нужды сербской армии.

Не отставало от императора и петроградское общество. 25 апреля в ресторане гостиницы «Астория» в его честь был устроен банкет с присутствием трехсот приглашенных. В тот же день Петроградский комитет помощи Сербии передал Пашичу 70 тыс. руб.⁵⁸.

* * *

В Москве посланец маленького, но не сдавшегося врагу народа был встречен с еще большим восторгом. 28 апреля в 10 часов утра на Николаевском вокзале городская голова М.В. Челноков, по словам московских газет, «поднес ему по русскому обычаю хлеб-соль на серебряном блюде в древнерусском стиле, украшенном камнями с такой же солоницей. На блюде надпись: „От московского городского общественного управления 28 апреля 1916 г. министру-президенту Сербии Николае Пашичу“»⁵⁹. Это блюдо (впрочем, уже без камней и «солоницы»), — увы, единственное, что сохранилось от многочисленных русских наград и пожалований, коих удостоился Никола Пашич за свою беспримерно долгую политическую карьеру. В 1995 г. его младший внук Джордже Пашич передал оное блюдо на хранение в Мемориал своего деда в его родном городе Заечаре. Там оно хранится и поныне. Но вернемся к визиту.

А 29 апреля 1916 г. в «Метрополе», чтобы его приветствовать и угостить, собралось уже 600 человек! Причем даже меню банкета здесь было выдержано в духе «манифестации»: «Суп славянский. Бульон московский. Филе из судака по-чешски. Жаркое. Салат по-сербски. Соуса: польский и хорватский»⁶⁰. В этом вся Белокаменная — широкая, хлебосольная, славянская. Не то что чопорный «европейский» Питер — с его «кре-

мом шампиньон» и «севрюгой по-английски», чем закусывали в «Астории»⁶¹.

Накануне же вечером, по случаю приезда сербского премьера, Московская городская дума провела «экстренное» заседание, на котором тот присутствовал в черно-красной ленте ордена св. Владимира. Фото из газеты «Московский листок»⁶² дает нам редкую возможность лицезреть Пашича во владимирской «кавалерии» со звездой. Заседание единогласно постановило: «1. Просить его превосходительство председателя Совета министров Сербии Николу Петровича (так в тексте. — А. Ш.) принять от Московской городской думы в знак благословения Москвы икону св. Георгия Победоносца. 2. Ассигновать из средств Московского городского управления в распоряжение Николы Петровича Пашича на нужды разоренного войной сербского народа сто тысяч рублей*»⁶³. Под бурные овации наш герой по-русски подписал расписку в получении пожертвования: «Николай Петрович Пашич. Министр-председатель Сербский»⁶⁴.

В своем ответном слове (и снова по-русски) он благодарил москвичей за щедрый дар и, обращаясь к М.В. Челнокову, отметил: «Я благодарю Вас за привет лично мне. Я давно знаю Москву, бываю в ней, люблю ее и высоко чту ваше общественное самоуправление, работу которого я, как бывший городской голова города Белграда**, могу особенно оценить и уважать»⁶⁵. И действительно! Имея опыт руководства крупным городом, Пашич пытливо осмотрел трамвайный парк в Сокольниках и Рублевский водопровод. Однако война диктовала своё, — побывал он и на снарядном заводе, который также был им «осмотрен самым подробным образом»⁶⁶. Везде его встречали криками «Живио!» («Да здравствует!») и хлебом-солью.

А русское общество продолжало жертвовать в пользу сербов. Московский славянский комитет вручил Пашичу 50 тыс. руб.⁶⁷, Губернская земская управа — 10 тыс. руб.⁶⁸. Позднее,

* Всего на 28 апреля 1916 г. (т.е. еще до выдачи ста тысяч Пашичу) на оказание помощи населению Сербии Московской городской думой было ассигновано 262.665 руб. и ею же собрано индивидуальных пожертвований от граждан — 5.060 руб. 13 коп. (Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 6.).

** Никола Пашич возглавлял белградскую городскую общину, т.е. мэрию, дважды — в 1890–1891 и 1897 гг.

когда сербский премьер отправился из Москвы в Одессу для инспекции Добровольческой дивизии, он (во время остановки в Киеве) получил от киевских городских властей еще 25 тыс.⁶⁹, а от одесских — 30 тыс. руб.⁷⁰.

14 мая 1916 г., после посещения сербских добровольцев в Одессе, Никола Пашич, в прекрасном расположении духа и словно заново политически родившись, покинул свою верную защитницу Россию и кружным путем (через Париж и Ниццу) выехал на Корфу. Всё впереди казалось светлым и радужным... Но неисповедимы пути Господни, и очень скоро Михаил Васильевич Челноков, еще совсем недавно возглашавший Николаю Петровичу с трибуны Мосгордумы «славу и привет»⁷¹, напишет ему в Белграде расписку в получении 10 тыс. динаров беженской помощи⁷². Всё смешалось!

* * *

И в заключение еще об одном, тесно связанном со сказанным выше. В отличие от многих других политиков, Николе Пашичу было свойственно чувство благодарности, что и хотелось бы показать, проследив «судьбу» полученных им в России денег.

В Историческом архиве «Тимокская краина» в Заечаре (Сербия) хранится его сберегательная книжка, датированная 1922-м годом и имеющая непосредственное отношение к последней поездке в Россию. 15 лет назад ее обнаружил в частных руках и выкупил для Архива тогдашний директор и одновременно руководитель Мемориала «Никола Пашич» Бора Димитриевич*. Эту книжку Пашич открыл 11 января 1922 г., положив на нее 684.875 динаров сер. Ниже имени и фамилии вкладчика в скобках означено: «Русские пожертвования» (в оригинале — «Руски прилози»)**. А на следующей странице начертано:

* Мы выражаем искреннюю признательность коллеге Б. Димитриевичу за любезное предоставление нам ксерокопии обнаруженной им сберкнижки Н. Пашича.

** А годом ранее, 29 января 1921 г., директор Белградского филиала Французского ипотечного банка Л. Гаврилович выдал Пашичу расписку в том, что он получил от «господина Н.П. Пашича, председателя Совета министров, 269.237 французских франков с тем, чтобы по самому лучшему курсу обменять их на динары, которые затем вернуть господину председателю Пашичу» (Архив Сербии. Заоставшина Николе Пашића (несређена грађа)). Мы убеждены, что именно эта сумма во французской валюте и составляла «русские пожертвования» или, вероятнее всего, то, что от них осталось

«Деньги с этой сберкнижки имеет право снимать только господин Никола Пашич». И далее — другим почерком: «В случае моей смерти деньги с книжки передать председателю Народной скупщины, чтобы она употребила их на возведение памятника блаженнопочившему русскому императору Николаю II в знак благодарности сербского народа. Никола Пашич (собственно-ручной автограф. — *А. Ш.*). 24 марта 1922 г. Белград»⁷³.

В декабре 1926 г., когда Пашич скончался, сумма «русских пожертвований» на его счету составляла уже 826.605 динара, т.е. выросла за счет процентов. Уважая волю почившего вкладчика, директор Госбанка особым письмом известил о ней председателя Народной скупщины Марко Трифковича, процитировав дословно пожелание Пашича. Это письмо известно — впервые оно было опубликовано в IV-м томе радикального альманаха «Пашич» еще в 1927 г.⁷⁴. А потому мы и были всегда уверены, что деньги со счета Пашича пошли на строительство знаменитого памятника «Николаю II и двум миллионам русских солдат Великой войны 1914 г.», возведенного в 1935 г. по проекту архитектора Р.Н. Верховского на Новом кладбище в Белграде⁷⁵. Каким всё казалось благостным!

Однако обнаружение сберегательной книжки и введение ее в научный оборот, как важнейшего источника, раскрыло истинное положение дел. И стало ясно, что средства *не были* использованы по назначению, оставаясь на счету и продолжая из года в год прирастать процентами. Их следы теряются в апреле 1946 г., когда они были изъяты (кем?), а счет закрыт⁷⁶. Но, к счастью для нас, сама «закрытая» книжка каким-то чудом уцелела, хотя по правилам банка ее должны были уничтожить.

Спрашивается, — кто виноват в том, что последняя воля Николы Пашича так и не исполнилась? Семья или, что представляется более вероятным, руководство Народной скупщины, за которым стоял король сербов, хорватов и словенцев

после использования в военное время. Пашич был крайне экономным «хозяином», особенно касательно «подарков», предпочитая не тратить их сразу и оставляя часть, если не всё, на самый «черный день», подтверждение чему мы обнаруживаем и во время Балканских войн. Внесенные же на сберкнижку почти 700 тыс. динаров — это сербский эквивалент оставшихся у него «русских пожертвований». Показательно, что открыл он ее не в филиале Французского банка, а в Государственном банке Королевства СХС.

Александр Карагеоргиевич (давний завистник, он в последние годы жизни Пашича буквально возненавидел его)? В данный момент на сей вопрос невозможно ответить. Точно известно одно — сам покойник в этом никак не замешан...

Примечания

¹ *Грицкат-Радулович И.Г.* На зарубежной родине // Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные материалы) / Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 519.

² *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания / Подгот. текста А.Л. Шемякина. М., 2014. С. 366.

³ Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Митрополит Михаил в эмиграции (вместе с Николой Пашичем против Милана Обреновича) // Славянский альманах. М., 2003. С. 112–129.

⁴ См.: *Он же.* Никола Пашич и Россия (1883–1889) // Балканские исследования. Россия и славяне. М., 1992. С. 131–143.

⁵ См.: *Он же.* «Что за подлец и мерзавец этот Милан». Александр III и политическая элита независимой Сербии // Родина. 2015. № 2. Специальный выпуск. С. 65–68.

⁶ Архив Српске Академије наука и уметности (далее — АСАНУ). Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 10/218. Сигн. X/7.

⁷ *Бобчевъ С.С.* Изъ славянските земи. I. Въ Белградъ. 1897 г. София, 1903. С. 27.

⁸ *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898. С. 90.

⁹ *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // Русские о Сербии и сербах. Т. I (письма, статьи, мемуары) / Сост. А.Л. Шемякин. СПб., 2006. С. 275.

¹⁰ АСАНУ. Пашићеве хартије. Бр. 14615–1–27.

¹¹ Подробнее о них см.: *Шемякин А.* Никола Пашић у емиграцији (1883–1889). Бугарска, Румунија, Русија // Никола Пашић. Живот и дело. Београд, 1997. С. 215–226.

¹² Подробнее об этом см.: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич в Болгарии (1883–1885 годы) // STUDIA BALKANICA. К юбилею Р.П. Гришиной. М., 2010. С. 96–117.

¹³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 400. Оп. 1. Д. 410. Л. 1; Д. 576. Л. 98; Д. 587. Л. 36, 42; Д. 632. Л. 1; *Слијепчевић Б.* Михаило, архиепископ Београдски и митрополит Србије. Минхен, 1980. С. 324.

¹⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

¹⁵ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 38. Л. 12.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 55. Л. 3–3 об.; Кратки поглед на борбу, стање и тежње народа српског у Краљевини Србији од Берлинског конгреса па до данашњег дана // *Никола П. Пашић.* Писма, чланци и говори (1869–1891.) / Приред. Л. Перовић, А. Шемјакин. Београд, 1995. С. 246.

¹⁷ АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11762 (Никола Пашић — неидентификованој особи [И.С. Аксакову]. Б/м., 6/д. [јануар 1886.]).

¹⁸ Митрополит Михаил — Николи Пашићу. Москва, 12. јануара 1886. // Митрополит Михаило и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888.) / Приред. А. Шемјакин. Београд, 2004. С. 177.

- 19 Никола Пашич — митрополиту Михаилу. Б/м., 9 января 1886 г. [Рус. яз.] // Там же. С. 137.
- 20 Никола Пашић — митрополиту Михаилу. Б/м. Б/д. [19. фебруар 1886.] // Никола П. Пашић. Писма, чланци и говори (1869–1891). С. 211.
- 21 Никола Пашич — В.И. Аристову. Б/м. [Рущук], 16. декабря. Б/г. [1886 г.]. Рус. яз. // Митрополит Михаил и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888.). С. 214.
- 22 Там же. С. 215.
- 23 Там же. С. 216.
- 24 АСАНУ. «Pašić collection». Бр. 14924/85 (Никола Пашић — неидентификованој особи. Б/м., 23. новембар 1886.).
- 25 Никола Пашич — В.И. Аристову. Б/м. [Рущук], 16. декабря. Б/г. [1886 г.]. Рус. яз. // Митрополит Михаил и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888.). С. 216.
- 26 Там же.
- 27 Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 1999. С. 306.
- 28 Государственный архив Одесской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1455. Л. 444–448.
- 29 ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 616. Л. 2.
- 30 «Обзор деятельности сербской оппозиции». Записка Н. Пашича директору Азиатского департамента МИД России И.А. Зиновьеву. 1887 г. / Публ. А.Л. Шемякина // Исторический архив. 1994. № 5.
- 31 АСАНУ. Заоставштина Николе Пашића. Бр.11847.
- 32 Сава Грујић — Милутину Гарашанину. Петроград, 20. март 1887 // *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Т. 2. С. 969 (Прилози).
- 33 Московский листок. 18 июля 1891 г. № 198. С. 2.
- 34 Там же. 16 марта 1910 г. № 61. С. 2.
- 35 *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. I. М., 1997. С. 478.
- 36 Там же. С. 479.
- 37 Московский листок. 16 марта 1910 г. № 61. С. 2.
- 38 *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. С. 127.
- 39 *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. I. С. 666.
- 40 *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. М., 2017. С. 170–171.
- 41 *Терзић С.* Россия и Первая балканская война // Слово.ру: Балтийский акцент. Калининград, 2014. С. 97.
- 42 *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. С. 158.
- 43 *Драшкић П.* Моји мемоари / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1990. С. 157.
- 44 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив (1916 г.). Д. 4024. Л. 20 (2/15 марта 1916 г.).
- 45 Там же. Л. 21–22 (А.А. Гирс — С.Д. Сазонову. Рим, 4/17 марта 1916 г.).
- 46 Там же. Л. 23 (С.Д. Сазонов — А.П. Извольскому и А.А. Гирсу. Петроград, 6/19 марта 1916 г.).
- 47 Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 472. Оп. 60. Д. 2300. Л. 3 об. — 4.
- 48 АВПРИ. Ф. Политархив (1916 г.). Д. 4024. Л. 22 (А.А. Гирс — С.Д. Сазонову. Рим, 4/17 марта 1916 г.).
- 49 *Шевцова Г.И.* Красные маки для княгини. С. 331.
- 50 РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1939. Л. 3.
- 51 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1587. Л. 33 об.

⁵² Поповић Д. Никола Пашић и Русија // Годишњица Николе Чупића. Књ. XLVI. Београд, 1937. С. 146.

⁵³ Пашић Н. Аудијенција код руског цара Николе II // Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010). Антологија / Приред. М. Јовановић. Београд, 2011. С. 233.

⁵⁴ Трубецкој Г.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 71.

⁵⁵ Дневники императора Николая II. Т. 2. 1905–1918 гг. С. 128.

⁵⁶ Новое время. 23 апреля (6 мая) 1916 г.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 189. Л. 116.

⁵⁸ Новое время. 26 апреля (9 мая) 1916 г.

⁵⁹ Раннее утро. 29 апреля 1916 г.

⁶⁰ Архив Србије (далеке — АС). Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).

⁶¹ Там же.

⁶² Московский листок. 30 апреля 1916 г.

⁶³ Центральный государственный архив города Москвы (далеке — ЦГА Москвы). Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 9. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг. / Сост. А.Л. Шемякин, У.В. Иванова, М. Перишич, А. Тимофеев, Г. Милорадович. М.-Белград, 2012. С. 344.

⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 10. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. (иллюстрации).

⁶⁵ Там же. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 5. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. С. 348.

⁶⁶ Русское слово. 30 апреля (13 мая) 1916 г.

⁶⁷ Речь. 30 апреля 1916 г.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Русские ведомости. 3 мая 1916 г.

⁷⁰ Новое время. 5 (18) мая 1916 г.

⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 8. Опубликовано: Москва — Сербия, Белград — Россия. Т. 3. С. 346.

⁷² АС. Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).

⁷³ Историјски архив Зајечара. Збирка докумената о Николи Пашићу. Бр. 36 (далеке — ИАЗ. НП-36). Опубликовано: Димитријевић Б. Штедна књижица Николе Пашића из 1922. године // Архив. Београд, 2002. Бр. 3. С. 124–130.

⁷⁴ «Пашић». Илустровани радикални алманах. Грађа за педесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Књ. IV. Београд, 1927. С. 97.

⁷⁵ См., напр.: Шемякин А.Л. Никола Пашич. 1845–1926 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX века). М., 1993. С. 178.

⁷⁶ ИАЗ. НП-36.